

УДК 327.2(4+7)

ЗАПАДНАЯ КОНЦЕПЦИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

З.Т. Мураталиева

На основе анализа современной политики Западных государств в контексте украинского кризиса и санкций как механизма давления предложена концепция нового миропорядка в системе международных отношений.

Ключевые слова: Европейский Союз; санкции; США; концепция; Китай; Украина; миропорядок; международные отношения.

THE WESTERN CONCEPT OF NEW WORLD ORDER AND ITS IMPLEMENTATION PROSPECTS

Z. T. Muratalieva

It is described the analysis of modern policy of the Western countries in the context of the Ukrainian crisis and sanctions as a tool of pressure the concept of a new world order in the system of international relations.

Keywords: European Union; sanctions; the United States; the concept; China; Ukraine; world order; international relations.

Мегатренд современного общественного развития – процессы глобализации. При этом наиболее успешно стирание границ происходит в экономическом измерении на основе неолиберальных принципов свободного рынка. В сущности, развитие неолиберальной идеологии было обусловлено экономическими проблемами, которые вызвали политическую напряженность в странах Запада в середине XX в. Именно в результате кризиса перепроизводства 1960-х гг. в Европе и США в условиях набравших силу антиправительственных выступлений левого толка в западном академическом сообществе стали разрабатываться концептуальные условия в форме неолиберализма для объяснения необходимости свободного движения капитала, товаров и услуг. По мнению американского историка XX в. Ч. Биерда, "... только "открытый" мир может обеспечить процветание США и стабильность их политического порядка" [1].

В свою очередь, экономическая "открытость" мира обуславливает "десуверенизацию" национальных государств, приводит к утрате ими способности защищать свои финансово-экономические и социально-политические интересы. Однако в функционировании данной политико-экономической системы все более стали обозначаться противоречия между растущими потребностями

транснационального бизнеса и национальными интересами отдельных государств, с одной стороны, и системой мировой политики, основанной на общепринятых нормах поведения акторов мировой арены, прописанных в нормативно правовых актах международного права, – с другой.

Наиболее четко это стало проявляться в феномене "гуманитарных интервенций" и фактах реализации прав наций на самоопределение. В частности, вторжения в Югославию в 1999 г. и Ирак в 2003 г. американских вооруженных сил без резолюции Совета безопасности (СБ) ООН были показательны в аспекте приоритета внутреннего законодательства США и их национальных интересов перед международным правом. С другой стороны, дилемма легитимности самоопределения Косово и Крыма свидетельствует о стремлении ряда стран Запада выступить в качестве координатора применения тех или иных норм международного права, что вызывает критику мирового сообщества.

В свою очередь, использование санкций в качестве альтернативного механизма давления на те или иные государства в кейсе с РФ также оказалось неэффективным. В этом аспекте необходимо учитывать два момента, характеризующих природу санкций. Во-первых, цель их применения состоит в том, чтобы через экономические проблемы

заставить государство изменить свою внутреннюю или внешнюю политику. Во-вторых, санкции будут эффективными только в случае: а) их поддержки международным сообществом, т. е. в условиях международной обструкции государства-объекта; б) их негативного воздействия на важные в контексте существования государства отрасли; в) более деструктивных для государства последствий от их применения, нежели от изменения им своего политического курса [2].

Принимая во внимание данные критерии эффективности санкций, представляется возможным согласиться с утверждением экспертов Института Брукинга К. Гедди и Б. Айс о наличии влияния санкций, введенных США и ЕС в отношении РФ, но не их продуктивности [3]. Во-первых, такие последствия санкций, как падение курса рубля, замедление темпов экономического роста, сокращение объемов инвестиций, не заставили российское руководство отказаться ни от поддержки юго-востока Украины, ни от факта ирредентизма Крымского полуострова, ни от планов по расширению границ евразийской интеграции. В противном случае это могло бы поставить под сомнение статус России как одного из мировых центров силы и нанести непоправимый урон ее репутации.

Во-вторых, санкции не коснулись стратегически важного сектора экономики РФ – энергетического – в силу зависимости стран ЕС от импорта газа из России. Более того, они стали катализатором активизации отношений с КНР в этой сфере: миллиардный контракт на поставку газа в КНР в течение 30 лет. В свою очередь, идеи развития альтернативной энергетики и импорта американского сланцевого газа в ЕС в качестве мер по снижению зависимости от РФ не могут восприниматься в качестве перспективных в силу как технологических трудностей, так и экономической целесообразности.

В частности, увеличение доли возобновляемых источников энергии в системе энергогенерации стран Европы обуславливает два важных негативных последствия. Во-первых, вырабатываемая ими энергия стоит гораздо дороже традиционных топливно-энергетических ресурсов, что приводит к сокращению экспортных продаж промышленных предприятий ввиду необходимости субсидирования альтернативной энергетики. Более того, в перспективе, по словам министра экономики и энергетики ФРГ З. Габриэля, консервирование данной ситуации станет причиной деиндустриализации экономик стран ЕС [4]. Во-вторых, перед европейскими государствами стоит проблема контроля объема генерируемой энергии альтернативными источниками в зависимости от погодных условий:

излишки энергии перенаправляются в соседние страны по низкой цене, что заставляет последних прибегать к дорогостоящей процедуре отключения действующих мощностей угольных и газовых электростанций. Перспектива же импорта американского сланцевого газа достаточно туманна в силу, с одной стороны, сложного и затратного технологического механизма его добычи, с другой – особенностями американского законодательства, требующего наличия договора о свободной торговле, которого у США нет ни с одной европейской страной [5]. В результате процесс урегулирования украинского кризиса не мог исключить участия России и, более того, начался в фарватере предложений, сделанных В.В. Путиным.

Другими важными следствиями украинского кризиса являются отказ от установления более тесных отношений Украины с НАТО и ЕС и изменение внешнеполитической риторики США в отношении КНР. Украина не рассматривается Западом в качестве потенциального члена ни НАТО, ни ЕС. На этот факт указывают итоги визита П. Порошенко в США, где он получил отказ в предоставлении Украине статуса основного союзника НАТО вне рамок организации, а также в поставках тяжелого вооружения, что связано с общим замораживанием конфликта.

Вместе с тем подписанные и ратифицированные украинской Радой и Европарламентом соглашения об ассоциации республики с ЕС предполагают отсрочку их исполнения в части создания зоны свободной торговли до 2016 г. При этом важен момент экономического и национального кризиса в Европе (последний проявился в проведении референдума по вопросу независимости в Шотландии и планах на аналогичное мероприятие в Каталонии), который может усугубиться при принятии нового члена в лице Украины с комплексом политических и социально-экономических проблем. ЕС гораздо выгоднее усиливать экономическую зависимость стран Восточной Европы через институт ассоциации, предполагающий превращение последних в рынок сбыта европейских товаров.

Аналогичная ситуация складывается в Североатлантическом альянсе. В этом отношении показателен уэльский саммит организации в сентябре 2014 г., на котором были приняты решения о норме военных затрат стран-членов не менее 2 % ВВП, а также о формировании группы высокой готовности в составе сил быстрого реагирования и экспедиционного соединения наземных, морских и военно-воздушных сил. Следовательно, руководство стран НАТО делает ставку на усиление боеготовности действующих членов организации, способных выполнять предъявляемые к ним требования,

а не на расширение пула сателлитов, на переоборудование и переподготовку вооруженных сил которых потребуются значительные финансовые вливания.

С другой стороны, представляется, что странам Запада необходима буферная зона с целью избежать дальнейшей эскалации напряженности с Россией в условиях начатого процесса перекраивания карты Ближнего Востока по линиям религиозной и национальной принадлежности. На данный факт указывают параллели, которые можно провести между опубликованной осенью 2013 г. в *New York Times* картой научного сотрудника Международного центра исследователей В. Вильсона Робин Райт (в настоящее время карта уделена с официального сайта *New York Times*), в которой предусмотрен распад Сирии, Ирака и Ирана на части с перспективой их объединения в три государства: суннитов, шиитов и курдов и военными успехами фактически профинансированного в ходе сирийского кризиса “Исламского государства Ирака и Леванта”.

В этих условиях для США и ЕС важно сохранить достаточно ровные отношения с Китаем, который выступает их основным торговым партнером, и не дать оформиться стратегической оси “Москва-Пекин”. В этом отношении показательно заявление, сделанное З. Бжезинским в интервью американскому изданию *Foreign Policy*, о необходимости предоставить КНР свободу действий в Азии [6]. Применение данного “совета” на практике руководством США прослеживается в его резко негативной реакции на евразийские интеграционные проекты и отсутствием резонансных заявлений в отношении возможного расширения ШОС за счет Индии и Пакистана. Примечательно, что в статусе премьер-министра Индии победивший на майских парламентских выборах Н. Моди в числе первых встретился с председателем КНР Си Цзиньпином и президентом США Б. Обамой. Данный факт косвенно указывает на возможность превращения Индии в своеобразный мост между США и Китаем и механизм усиления влияния последнего в ШОС за счет зависимости от многомиллиардных кредитов, вкладываемых Пекином как в экономику Индии (на встрече с Н. Моди Си Цзиньпин заявил о возможности вложить 20 млрд долл. инвестиций в инфраструктурные проекты Индии [7]), так и стран Центральной Азии (кредит в 5 млрд долл. на осуществление совместных проектов в ШОС, возможность создания фонда “Китай – Евразия” с уставным капиталом в 1 млрд долл.). В результате Запад получает усиление экономического измерения ШОС, в котором традиционно ведущие позиции занимает Пекин и в пер-

спективе торможение процесса евразийской интеграции, а также сохранение положения доллара на мировом валютном рынке.

На этом фоне в Вашингтоне на официальном уровне стали делать заявления о необходимости углубления конструктивного американо-китайского диалога, а в научных кругах Запада стали разрабатываться концепции нового миропорядка. В частности, З. Бжезинский предлагает формулу G2 – США плюс Китай – в качестве основы ООН нового формата, которая будет базироваться не на уставных документах, а на двусторонних договоренностях по широкому спектру вопросов [6]. В свою очередь, один из патриархов американской дипломатии Г. Киссинджер в недавно изданной книге “Миропорядок” называет неэффективным существующий формат взаимодействия государств в рамках установленных негибких правил международного права [8]. Фактически он предлагает вернуться к венской системе международных отношений, которая базируется на общем согласии наиболее сильных, развитых стран относительно их территориального и геополитического статуса, а также позволяет манипулировать договоренностями, исходя из их интересов.

Таким образом, трансформации в структуре и характере сложившейся после Второй мировой войны системе международных отношений детерминированы заинтересованностью в углублении процессов экономической глобализации транснациональных бизнес-структур и развитых стран Запада, с одной стороны, и системой международного права, ограничивающей их действия, – с другой. Репутационные издержки, которые несут западные правительства в связи с “гуманитарными интервенциями” и “цветными революциями”, резко контрастирующие с нормами международного права, и экономические проблемы, с которыми они сталкиваются в результате применения санкций в условиях взаимозависимости частей глобальной экономики, обуславливают необходимость выстраивания системы международных отношений на основе двусторонних договоренностей между мировыми центрами силы. Данные договоренности должны базироваться исключительно на конъюнктурных интересах сторон и не налагать каких-либо ограничений перед мировым сообществом.

Литература

1. *Bacevich A.J.* American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy / A.J. Bacevich // URL: <http://fb2lib.net.ru> (дата обращения: 21 апреля 2012).
2. *O'Sullivan M.* Why Aren't Sanctions Stopping Putin? / M. O'Sullivan // URL: <http://www>

- thedailybeast.com/articles/2014/05/13/why-arent-sanctions-stopping-putin.html (дата обращения: 13 мая 2014)
3. *Gaddy C., Ickes B.* Can Sanctions Stop Putin? / C. Gaddy, B. Ickes // URL: <http://www.brookings.edu/research/articles/2014/06/03-can-sanctions-stop-putin-gaddy-ickes> (дата обращения: 3 июня 2014).
 4. *Фролов А.* Европейский электрошок. Крайности электрогенерации ЕС / А. Фролов, Н. Хренков // Корпоративный журнал ОАО “Газпром”. М., 2014. № 5.
 5. *Духанов С.* Великий сланцевый пузырь. Поставки газа из США в Европу – блеф и утопия / С. Духанов // URL: <http://svpressa.ru/politic/article/85110> (дата обращения: 7 апреля 2014).
 6. *Rothkopf D.* A Time of Unprecedented Instability. A conversation with Zbigniew Brzezinski on today’s worldwide turmoil, overstating Iran’s near-term nuclear threat, and why a return to global order may rest on the relationship between the United States and China / D. Rothkopf // URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/07/21/a_time_of_unprecedented_instability_a_conversation_with_zbigniew_brzezinski%20?utm_content=buffer995f6&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer (дата обращения: 21 июля 2014).
 7. *Antholis W.* Mr. Modi’s Dynamic Diplomatic Debut / W. Antholis // URL: http://www.brookings.edu/blogs/up-front/posts/2014/09/26-modi-dynamic-diplomatic-debut-antholis?utm_source=Facebook&utm_medium=Social&utm_campaign=BrookingsFB09292&utm_content=BrookingsFB09292 (дата обращения: 26 сентября 2014).
 8. *Kissinger H.* The concept that has underpinned the modern geopolitical era is in crisis / H. Kissinger // URL: <http://online.wsj.com/articles/henry-kissinger-on-the-assembly-of-a-new-world-order-1409328075> (дата обращения: 29 августа 2014).